

– Хорошо сказано, – молвил сэр Паломид. – А теперь я прошу вас, ответьте мне на вопрос, который я вам задам.

– Задавайте, – сказал сэр Тристрам, – и я отвечу вам правду, да поможет мне Бог.

– Сэр, если предположить, – сказал сэр Паломид, – что вы были бы в полном облачении, а я без доспехов, как вы сейчас, как бы вы со мной поступили, по истинной рыцарской чести?

– А, – сказал сэр Тристрам, – я тебя понял, сэр Паломид, ибо теперь я должен буду произнести мое суждение! И, клянусь благословением Господним, то, что я скажу, будет сказано не из страха перед тобою, сэр Паломид. Вот что я говорю: знай, сэр Паломид, что тебе надлежит уехать от меня, ибо я не стал бы с тобою биться.

– И я не стану, – сказал сэр Паломид. – И потому поезжай своей дорогою!

– Что до этого, – отвечал сэр Тристрам, – то мое дело: уезжать или оставаться. Но одно меня, сэр Паломид, удивляет, – сказал сэр Тристрам, – отчего столь добрый рыцарь, как ты, по сей день не крещен, ведь вот брат твой сэр Сафир давно уже принял крещение?

3

– Что до этого, – отвечал сэр Паломид, – то мне еще невозможно принять крещение из-за клятвы, данной мною много лет назад. Но, как бы то ни было, в сердце моем и в душе я уже много дней храню добрую веру в Иисуса Христа и в Его нежную Матерь Марию. И мне осталось провести еще один лишь бой, а после того я тут же приму крещение.

– Клянусь головой, – сказал сэр Тристрам, – если за одним боем дело стало, то искать его тебе долго не придется. Ибо упаси Бог, – сказал сэр Тристрам, – чтобы по моей вине ты дольше оставался язычником. Вон там лежит рыцарь, которого ты ранил и поверг наземь, помоги мне отличиться в его доспехи, и я, не промедлив, позволю тебе исполнить твою клятву.

– Как вы желаете, – сказал сэр Паломид, – так тому и быть. И они подъехали к тому рыцарю, сидевшему на песке, и сэр Тристрам его приветствовал, а тот слабым голосом ему ответил.

– Сэр рыцарь, – сказал ему сэр Тристрам, – прошу вас, назовите мне ваше настоящее имя.

– Сэр, – тот отвечал, – мое настоящее имя – сэр Галерон Галовейский, и я рыцарь Круглого Стола.

– Да поможет мне Бог, – сказал сэр Тристрам, – меня печалят ваши раны! Но дело вот в чем: я должен просить вас, чтобы вы ссудили меня всеми вашими доспехами, ибо, как вы видите, я безоружен, а я должен биться в поединке вон с тем рыцарем.

– Сэр, я вам их отдаю с доброй охотою. Но остерегитесь, предупреждаю вас, ибо тот рыцарь – боец могучий, которого опаснее не приходилось мне встречать. Но прошу вас, сэр, – сказал сэр Галерон, – назовите мне ваше имя, а также и имя того рыцаря, что нанес мне поражение.

– Сэр, что до моего имени, то знайте, я зовусь сэр Тристрам Лионский, а что до него, то это – сэр Паломид, брат доброго рыцаря сэра Сафира; только сэр Паломид по сей день еще не крещен.

– Увы! – сказал сэр Галерон, – великой жалости это достойно, чтобы столь славный рыцарь и столь доблестный боец был не крещен.

– Да поможет мне Бог, – сказал сэр Тристрам, – он либо убьет меня, либо же я его убью, но прежде, чем мы с ним расстанемся на этот раз, он примет крещение.

– Господин мой сэр Тристрам, – сказал сэр Галерон, – ваша слава и доблесть хорошо известны во многих странах, и Бог да убережет вас от урона и бесчестья и на этот раз!

Тут сэр Тристрам снял доспехи с сэра Галерона, который был благородным рыцарем, совершившим немало славных подвигов, и он был собою велик, костями широк и плотью обилен. И без доспехов он остался стоять на ногах, ибо он был поражен сзади копьем. Но насколько в силах был сэр Галерон, он помог сэру Тристраму снарядиться к бою.

И вот сэр Тристрам сел на коня и в руке зажал копье сэра Галерона, и сэр Паломид уже тоже изготовился к бою. И ринулись они друг на друга на всем скаку и ударили один другого в средину щита. Копье сэра Паломида при этом сломалось, и сэр Тристрам поверг его, и всадника и коня, прямо на землю.

Тогда сэр Паломид, как только смог, поспешил высвободить ноги из стремян, перетянул наперед свой щит и обнажил меч. И, видя это, сэр Тристрам тоже спешил и привязал коня своего к дереву.